

Фудель Сергей Иосифович

**Моим детям и друзьям
Сергей Иосифович Фудель**

Аудио

Аннотация

«Лучше поздно, чем никогда», – такое мое чувство при начале этих записей. Я слишком много видел, чтобы ничего не узнать. У меня большой долг перед моими детьми, и надо попытаться его начать отдавать. Есть у апостола одно особенное и, можно сказать, неожиданное указание: *«Отцы, не раздражайте детей ваших, но воспитывайте их в... наставлении Господнем»* (Еф. 6:4). Я не воспитывал, но раздражал, не передавал им «неисследимое богатство Христово», полученное мною от отцов. Мне трудно писать не потому, что я не знаю, о чем писать, но потому, что не знаю, как писать. Я умею писать только суконным интеллигентским языком, на котором как выразить неизъяснимые и божественные вещи? Мои слова подобны тени смертной, а нужно писать о нетлении», – начинает записки «Моим детям и друзьям» Сергей Фудель.

Он действительно видел многое. Небывалый расцвет русской культуры в начале XX века. Церковное возрождение. Революцию и гонения. А главное – множество святых – исповедников, мучеников, подвижников. Фуделю действительно есть чем поделиться с нами. «Моим детям и друзьям» – его первая попытка в этом роде.

«Доказать веру нельзя, можно только показать живым дыханием правды. Убедить можно только убедительностью своего личного счастья в ней, заразительностью своего божественного веселья веры. Только этим путем передается она, и для этой передачи рождаются слова духоносные. Поэтому-то так трудно «наставление Господне». Надо иметь «власть» для наставления, живую и горячую веру и – еще раз скажу – убедительность своего личного счастья в ней».

*Те, кто достойней, Боже, Боже,
Да узрят Царствие Твое!*

А. Блок

1

«Лучше поздно, чем никогда» – такое мое чувство при начале этих записей. Я слишком много видел, чтобы ничего не узнать. У меня большой долг перед моими детьми, и надо попытаться его начать отдавать. Есть у апостола одно особенное и, можно сказать, неожиданное указание: *«Отцы, не раздражайте детей ваших, но воспитывайте их в... наставлении Господнем»* (Еф. 6:4). Я не воспитывал, но раздражал, не передавал им «неисследимое богатство Христово», полученное мною от отцов.

Мне трудно писать не потому, что я не знаю, о чем писать, но потому, что не знаю, как писать. Я умею писать только суконным интеллигентским языком, на котором как выразить неизъяснимые и божественные вещи? Мои слова подобны тени смертной, а нужно писать о нетлении.

«О, Пасха велия и священнейшая, Христе! О, Мудросте, и Слове Божий, и Сило!» – вот что врывается в память и чем хочется заменить все свои нищие слова.

Слова, идущие от Слова или от Его служителей, благоухают своей первозданной простотой, они живые и живоносные – Дух дышит в их словесной плоти. Нет их, как райских плодов, в затемненной грехом душе, а иными, только лишь «богословствующими» словами как передать наставление Господне?

Доказать веру нельзя, можно только показать живым дыханием правды. Убедить можно только убедительностью своего личного счастья в ней, заразительностью своего божественного веселья веры. Только этим путем передается она, и для этой передачи рождаются слова духоносные. Поэтому-то так трудно «наставление Господне». Надо иметь «власть» для наставления, живую и горячую веру и – еще раз скажу – убедительность своего личного счастья в ней.

2

Всякая жизнь трудна и мучительна – хотя бы потому, что всякая жизнь кончается смертью.

*Кто без тоски внимал из нас,
В ночи всемирного молчанья,
Глухого времени стенанья,
Пророчески-прощальный глас?*

Поиски преодоления смертности жизни на путях веры есть самое вдохновляющее чувство, которое может испытывать человек, возлюбивший жизнь. Эти поиски не самоуверенные и не благодушные. Апостол учит: «Кто думает, что он знает что-нибудь, тот ничего еще не знает так, как должно знать» (1Кор. 8:2). Тут не самоуверенное знание богослова, а скорбь, вздыхание и чаяние сердца. Тут не гордое отгораживание себя, как уже знающего, а жадное вслушивание в каждого, чтобы найти нечаянную радость и друга. И эти слова тютчевских стихов воспринимаются верующим сердцем почти как речитатив псалма. Общая ночь жизни – общая скорбь, и для верующего сердца тем большая, что он замечает, что другие не видят огней Воскресения.

Тот, в чьей душе не лежат драгоценным грузом воспоминания о

пасхальных ночах, еще не знает, что такое христианство. Христианство – это пасхальная ночь человечества, стоящего у «врат Царства».

И в этот миг – сладчайший миг! –

Я на земле, согретой снова,

Читаю Огненное Слово

На белизне пасхальных книг.

В этой ночи – вся суть веры, все завершение христианства, пришедшего в ней после Голгофы, в ней – решающее утверждение Вечности. Но вот тут-то и начинается остановка. Не потеряли ли мы чувство Вечности? Нужна ли нам пасхальная ночь? Кажется иногда, что не нужна, кажется иногда, что мы ничего не хотим слышать, кроме изнуряющего хода своего тления.

У Исаака Сирина есть молитва для постоянного пользования: «Исполни, Господи, сердце мое жизни вечной». Мы же часто хотим быть бездумными мотыльками, порхающими два дня над травой, и притом это свое мотыльковое бездумье мы делаем своим убеждением, чем-то вроде религии. «Так легче жить», – говорим мы.

Вот, очевидно, почему промыслительно посланы человеку страдания в жизни. Когда они приходят, начинается серьезность. «*Иных и страхом спасайте*» (Иуд. 1:23). Без них человек склонен окончательно потерять духовное зрение. Апостол Петр сказал совсем просто: «*Страдающий плотью перестает грешить*» (1Пет. 4:1).

Мы приняли от отцов великую святыню веры в вечную жизнь человека, величайшее и неслыханное утверждение человека в вечном нетлении, – человека не платонического, а реального, с его телом и душой. И эту веру мы все время теряем.

«*И сказал Господь: Симон, Симон! се, сатана просил, чтобы сеять вас как пшеницу; но Я молился о тебе, да не оскудеет вера твоя*» (Лк. 22:31–32). Я всегда читаю это место с волнением, чувствуя, что это про всех нас.

Существует предание, что у апостола Петра, уже после Вознесения, глаза были всегда красны от слез, так как он каждую ночь под утро вставал, чтобы молиться и плакать, вспоминая свое отречение.

Осознаем ли мы, считающие себя верующими, свое оскудение веры? Мы ходим в Церковь и знаем Символ веры, но есть ли в нас вера? И знаем ли мы, что такое вера? Апостол сказал, что «*вера есть... уверенность в невидимом*» (Евр. 11:1), то есть в духовном мире. Весь предмет веры лежит в невидимой пока нами духовной области, в Царстве Божиим, в государстве иных измерений и иных законов. Вот почему если нет духовности, то нет,

по существу, и веры. Как это трудно! Воистину *«блаженны невидевшие и уверовавшие»* (Ин. 20:29).

И мы не только плохо верим в духовный мир и его не ищем, но нас пугает самый этот термин «духовный». «Ну, это для монахов, – скажем мы, – а мы и так проживем». «Благодать Божия призывает всех к такой (духовной) жизни, – говорит епископ Феофан Затворник, – и для всех она не только возможна, но и обязательна, потому что в ней существо христианства». Мы же даже не сумеем ответить, что, собственно, мы имеем в виду под понятием «духовный», – под тем понятием, которое нас или пугает, или смущает: благочестивую скуку при чтении некоторых, в прежнее время многочисленных, изданий «духовной литературы» или еще что-нибудь?

Я долго не знал, что значит точно и безусловно это выражение – «духовный мир» или «духовная жизнь». Я чувствовал ее в церквях как веяние нетленное и непостижимое, но я не знал, как ее определить. Наш ум вечно ищет определений, как хромой человек – костылей. Я помню, например, вечерний звон – не на картине Левитана, а в одном монастыре. Спускаешься по деревянным, чуть скрипучим ступенькам гостиницы. Подходишь к каменным воротам под колокольней. Солнце проложило в воротах золотую дорожку, и вот она, как живая, ведет тебя внутрь ограды. Смотришь на эту огненную стезю как на чудо и слышишь сердцем, что она ведет тебя в иной мир, в сокровенную жизнь с Богом.

В ирмосе Троичного канона поется: «Решительное очищение грехов, огнедуховенную примите Духа росу, о чада светообразная церковная! Ныне от Сиона бо изыде закон – языкоогнеобразная Духа благодать».

И наконец, я прочел это место у апостола: *«Вы не по плоти живете, а по духу, если только Дух Божий живет в вас»* (Рим. 8:9).

Как все оказывается просто и страшно. «Жить по духу», то есть духовно, – это значит жить вместе со Святым Духом Божиим, жить так, чтобы в тебе пребывал Бог! В словах «если только» – переход к определению духовности. Духовный мир – это мир Духа Божия, и искание жизни духовной есть искание жизни в Нем. Вот как высок критерий понятия духовности: *«Если только Дух Божий живет в вас»*, – действительное *сопребывание Божие*, а не формальная этикетка «духовного издания» или «духовного сословия». Тогда понятно, что истинная вера есть уверенность в невидимом духовном мире Духа Божия и уже осуществление жизни в нем.

Вера есть, по слову апостола, *«осуществление ожидаемого»*. Полнота ожидаемого Царства в будущем, «в день оный», а сейчас, как говорит тот

же апостол, «начаток Духа» (Рим. 8:23), начало осуществления ожидаемого. Макарий Великий называл это «предвоскресением».

Только такая вера и есть, по существу, вера, – вера, «уверенная в невидимом», потому что уже «осуществляющая» частично, в меру сил каждого, будущую полноту жизни в Боге. Как она может быть не уверена, если она уже осуществляет будущую полноту духовности? Именно в «осуществлении» лежит причина «уверенности» и тем самым блаженства веры.

Обычно говорят с некоторой благосклонной улыбкой: «Блажен, кто верует, – тепло ему на свете». Это верно и в том небольшом смысле, который обычно имеется в виду, и бесконечно более верно во всем глубочайшем смысле жизни. Собственно, надо было бы сказать не «тепло», а «жарко». «Осуществление ожидаемого» – это вино бессмертия, которое начинает пить человек уже теперь на земле. Оно животворит, и радуется, и обновляет ткань жизни, веселит предчувствием Вечности. Тут человеку дается сокровище, явно ощущаемое и сердцем, и умом, и телом. «Подобно Царство Небесное сокровищу, скрытому на поле, которое, найдя, человек утаил, и от радости о нем идет и продает все, что имеет, и покупает поле то» (Мф. 13:44). Величайшее человеческое счастье охватывает человека, получившего истинную веру, «осуществляющую» уже здесь, на земле, жизнь в Духе Божиим.

Где у нас такая вера?

Без нее как непонятны и загадочны нам слова Господа о практических и неизбежных признаках веры! «Уверовавших же будут сопровождать... знамения... будут говорить новыми языками, будут брать змей... возложат руки на больных, и они будут здоровы» (Мк. 16:17–18).

Оказывается, только одно требуется для того, чтобы исцелять больных: быть верующим, и, значит, с неумолимой логикой, если мы этих практических признаков не имеем и больных не исцеляем, мы не можем называться верующими – мы только «как бы верующие». Это факт непреложный, но вряд ли нами сознаваемый.

Поколение за поколением мы теряли веру, со спокойным благодушием держась за внешние признаки религиозного состояния. Или, что, пожалуй, даже лучше, отходили и от них. Лучше – по слову Божию: «Ты не холоден и не горяч; о если бы ты был холоден или горяч!» (Откр. 3:15). Всякое сохранение внешних признаков религиозности без внутреннего содержания есть состояние страшное и отвратительное. Это хорошо раскрыто в «Иудушке Головлеве», и эту книгу великой религиозной пользы следовало бы изучать во всех духовных школах.

«Всякая внешность без внутренности ничтоже есть», – говорит Тихон Задонский. О внешних христианах конца XVIII века он сказал: «*Вси такови солгали Богу, и обетов своих не хранят, и вне Церкви святой находятся, хотя и в храмы ходят, и молятся, и Таин приобщаются, и храмы созидают, и украшают их, и прочие христианские знаки показывают*».

«Показующие» одни «христианские знаки», и при этом даже «Таин причащающиеся», но не несущие при этом святой «внутренности», по слову Святителя (а не баптистского проповедника), «сильно на суде Христовом истязаны будут и более будут мучимы тамо, нежели турки и идолопоклонники» (Св. Тихон Задонский. Наставление христианское).

Почему же так страшно звучат эти слова и для нас, а не только для какого-нибудь Потемкина, или Юсупова, или иных современников Святителя? Да все потому же, что мы не имеем той веры, которая есть «осуществление» ожидаемого Духа Божия, потому что мы не живем в Духе и не ищем духовности, которая раскрывается и обновляется во внутреннем человеке, когда *внешний*, по слову апостола, *тлеет* (2Кор. 4:16). Настолько страшно звучит, что страшно и писать об этом, и я опять в нерешительности.

Но неудержимо хочется перед концом жизни подвести для себя какие-то итоги «ума холодных наблюдений и сердца горестных замет». Кто-то сказал, что «жизнь – это есть совокупность сил, сопротивляющихся смерти». Всякий грех есть действие, ослабляющее это сопротивление, то есть нож в спину жизни, измена ей в пользу ее врага, измена чему-то драгоценнейшему и любимейшему. Вот почему, когда прожита жизнь греховная, жизнь полная измен Жизни, такая горечь в сердце и так жгут эти «горестные заметы».

Вот почему я дерзаю только на то, чтобы словами грешного писателя начать свои записи: «Те, кто достойней, Боже, Боже, да узрят Царствие Твое!»

Мы в поисках веры, как евреи в сорокалетнем странствии в пустыне, и кажется – мы так и не достигнем земли обетованной, а только с горы Нево увидим ее, увидим людей иного поколения, «*хранящих таинство веры в чистой совести*» (1Тим. 3:9).

3

Таинство веры совершается в чистой совести. Это определение слова Божия отодвигает перед нами стену. Ведь *и бесы веруют и трепещут*, ведь и те, кто «христианские знаки показывают», тоже, наверное, считались и считаются верующими и, очевидно, знают Символ веры. Но оказывается, для приобщения веры нужна чистая совесть. *Вера без дел мертва*. Другой

апостол умоляет христиан жить в *святейшей вере нашей* (Иуд. 1:20). Чистота или святость есть тот сосуд, в котором хранится вера, и без него она рано или поздно погибает – высыхает, как вино, разлитое на пол. Только *«чистые сердцем узрят Бога»* (Мф. 5:8). *«Призвал нас Бог не к нечистоте, но к святости»* (1Сол. 4:7).

Спасаемся мы верою, и только верою, но сохранить веру мы можем только *«обещанием Богу доброй совести»* (1Пет. 3:21), только *«хранением себя неоскверненными от мира»* (Иак. 1:27), только ведением себя путем подвига Христова. Всякий грех вливает воду в вино веры, и, чем больше воды, тем меньше вина. Покаяние имеет величайшую силу, привлекая к себе милость Божию, но оно должно быть покаянием разбойника в крестных муках, а не нашим холодным расчетом, что *«на следующей исповеди в будущем году я покаюсь»*. А потом, разве мы не знаем этих страшных слов апостола: *«Невозможно однажды просвещенных, и вкусивших дара небесного, и соделавшихся причастниками Духа Святого, и вкусивших благого глагола Божия и сил будущего века, и отпадших, опять обновлять покаянием, когда они снова распинают в себе Сына Божия»* (Евр. 6:4–6).

«Невозможно» – вот слово, которое не доходит до нашего сознания, и совсем не потому, что мы «побеждаем» его надеждой на неизреченную милость Божию, а только в силу величайшего своего легкомыслия и потери самого чувства греха. Самый страшный человеческий грех, по существу самый для него противоестественный и наименее при этом теперь нами осознаваемый, – это гордость.

И вот как раз именно на гордость указал Господь, когда пояснил, почему люди не имеют веры: *«Как вы можете веровать, когда друг от друга принимаете славу, а славы, которая от Единого Бога, не ищете»* (Ин. 5:44). Господь сказал совершенно ясно: как вы можете веровать, когда вы не боретесь с грехом? Потому у вас нет веры, что вы грешны, что ум ваш в тщеславии, то есть омрачен грехом. Следовательно, для нашего маловерия или неверия нет оправданий, которые обычно тут выдвигаются. Ведь обычно говорят так: *«Что ж я могу поделать? Конечно, «блажен кто верует», но раз у меня этого нет, то как я могу быть тем, что я не есть?»*

Так говорят не только маленькие люди, но и большие. В частности, буквально так, и при этом искренне, отвечал Герцен одной своей московской знакомой. Оказывается, вера может быть получена или укрепляема через очищение совести, через исполнение извека вложенного в нас нравственного закона. Апостол говорит о язычниках: *«Они показывают, что дело закона у них написано в сердцах, о чем*

свидетельствуют совесть их и мысли их, то обвиняющие, то оправдывающие» (Рим. 2:15). Совесть, по слову Божию, извечна и врожденна, и исполнение закона ее есть путь к вере. А если мы его не исполняем, то – *как вы можете верить?*

Сердце всегда хочет веры, потому что оно органически хочет тепла. Но ум противится, так как для него принять веру – это значит слезть с пьедестала, смириться и выйти на свободу из пут гордости. Я не знаю, как писать об этом, так как сам связан путами, но, когда они ослабевали, я успел понять две вещи: первое – это то, что как раз в них лежит основная причина неприятия христианства, и второе, что нет на земле большего счастья, как от них освободиться. Для того чтобы дать представление об этом счастье, я приведу слова аввы Исаии: «Когда ум получит свободу, тогда отъежится средостение, разлучающее его от Бога. По умерщвлении в нас греха отпадает и тяжесть, и слепота, и все, что утесняло душу; чувства, доселе умерщвленные и плодоприносившие смерть, восстают в здравии и непобедимости. Ум как бы обвит освящением и упокоивается в нетлении: освободившись от всех возмущений, он субботствует, жительствоует в другом, новом, веке, углубленный в рассматривание предметов новых, нетленных». Нашему маловерию нет оправданий: закон совести извечен и исполнением его мы выпускаем ум на свободу веры. И наоборот, мы теряем веру, когда чем бы то ни было затемняем совесть, когда разбиваем грехами сосуд святости.

Но вот второе слово, которое нам непосильно. Первое было «духовность», а теперь «святость». Первое мы милостиво предоставляем в пользование «духовному сословию», а второе с еще большим непониманием предоставляем «святым». Почему же у нас такое предубеждение против этого слова? Почему, с другой стороны, так часты, так повседневны и естественны эти обращения апостола к первохристианам: *«находящимся в Колоссах святым и верным братьям», «приветствуют вас все святые», «всем святым, находящимся в Филиппах»* и т.д. Хочется спросить, когда же они их успели канонизировать? Да ведь, кажется, канонизируют только уже умерших, а здесь живые? Интереснее всего то, что эти обращения не к отдельным мученикам, а к массе иногда мирно живущей церкви. Наше недоумение понятно, так как длинная дорога истории довела нас до полного непонимания той эпохи христианства, когда «праведный был жив верою», когда рядовые христиане были святыми.

Были ли эти первохристианские святые грешными? Да, конечно, так как даже апостол говорит: *«Все мы много согрешаем» (Иак. 3:2).* И сами

эти послания к святым говорят тут же о их ошибках или грехах.

Но очевидно, что устремленность к Богу (верой) была в ту эпоху «первой любви» так сильна, эта устремленность была так неодолима, что совершаемые грехи как бы «не успевали» ее задержать.

Так, когда несется поезд, то видишь в окно мельком предметы, лежащие на пути, да почти и не смотришь на них в ожидании радостного приезда, той цели, к которой стремишься и которая все ближе и ближе, в то время как эти предметы, не задерживая нас, остаются позади. И Апостол говорит: *«Братия, я не почитаю себя достигшим; а только, забывая заднее и простираясь вперед, стремлюсь к цели, к почести высшего звания Божия»* (Флп. 3:13–14). Первохристиане и согрешая не останавливались, но, отрешаясь вновь и вновь от греха, «простирались вперед к цели», к своему возлюбленному Господу. Вот почему они и были святые, то есть люди, угодные Богу, «угодники».

Святость есть состояние, угодное Богу, – вот и все, ни больше ни меньше. Бог так хочет, Бог заповедал, чтобы мы были такими. Где же основание для гордости или боязни, как бы не сделаться гордым? *«Будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный», «будьте святые, как и Он свят»* (Мф. 5:48; 1Пет. 1:16). Это заповедь рабу о его поведении: вот это поле ты должен вспахать и эти камни ты должен перетаскать туда-то. *«Станет ли он (то есть господин) благодарить раба за то, что он исполнил приказание? Не думаю. Так и вы, когда исполните все повеленное вам, говорите: «Мы рабы ничего не стоящие, потому что сделали, что должны были сделать»* (Лк. 17:9–10).

Исполнение всех заповедей Божиих есть наш рабский долг, и в этом нет никакой заслуги. Господь спасает *«нас не по делам праведности, которые бы мы сотворили, а по Своей милости, банею возрождения и обновления Святым Духом»* (Тит. 3:5). Христианство, придя в мир, позвало человека на узкий и тесный путь труда над самим собой для очищения сосуда совести и восприятия в него веры. Но какая же радость для человека, что Господь сразу же и заранее снял всякий ореол «значимости» с этого труда, сразу же поставил его на подобающее ему рабское место. Человеку как бы было сказано: очищая себя от греха, ты очищаешь воздух комнаты, в которой живешь. Разве человек ставит в заслугу себе подобное дело?

Этим снятием ореола с подвига с одновременным утверждением его во всей глубине (*«если рука твоя соблазняет тебя – отсеки ее»* – Мф. 5:30) была создана возможность истинного христианского подвижничества, очищение сосуда совести для принятия вина веры. Труд

раба безграничен и постоянен, многострадален и как бы безнадежен. Лишение ореола значимости, то есть смиренное подвижничество, также многотрудно и постоянно и также не надеется на себя, а только на милость Божию. Как говорит Тихон Задонский, «неотменно должны мы добрые дела творить, яко христиане, но спасения от единого Христа просить и ожидать должны». «Когда слышишь слова Писания, – говорит св. Марк Подвижник, – что Господь воздаст каждому по делам его (Пс. 61:13), то не думай, что дела (сами по себе) достойны геенны или Царствия, но что Христос воздаст каждому по делам неверия в Него или веры». «Царство Небесное, – говорит он же, – не есть возмездие за дела, но благодать Владыки, уготованная верным рабам... Награда рабам не обязательна для Господина». Вот как раз незнанием того, что есть нелицемерный или смиренный подвиг, и объясняется наше какое-то отталкивание от идеи святости. Не зная, что это только рабский труд, мы пугаемся возможности гордости и фарисейства. Тут бесчисленные иудушки головлевы, и византийские и русские, сделали свое дело соблазна и провокации.

Человек должен стремиться к святости, – стремиться всем трудом своей жизни, и в то же время не святостью он спасается, ибо это только его долг, но еще не спасение, которое только в милости Божией через веру в Иисуса Христа. Перед ней, перед этой незаслуженной милостью Божией, все тщета, даже и это никогда не останавливаемое, всегда совершаемое смиренное делание святости.

«В чем состоит (духовное) делание самого человека? – спрашивает Макарий Великий. – В том, чтобы... удалиться от мира, пребывать в молитвах, во бдении, любить Бога и братьев; пребывать во всем этом есть собственное его дело. Но если ограничится он своим деланием и не будет надеяться приять нечто *иное* и не повеют на душу ветры Духа Святого... то человек не может принести достойных плодов Господу... Душа истинно... христоролюбивая, хотя бы совершила тысячи праведных дел, по ненасытимому стремлению своему ко Господу думает о себе, будто бы ничего еще она не сделала... по безмерной и ненасытимой любви своей к Господу сама в себе находит, будто бы ничего еще не приобрела... Она уязвлена любовью небесного Духа... Если же кто говорит: «Богат я (духовно), доволен с меня и того, что приобрел, больше не нужно», – то таковой не христианин, а сосуд прелести и диавола... Если кто не соблюдет великого смиренномудрия, то предается он сатане... Сказываю же тебе, что видел я людей, имевших все дарования и соделавшихся причастниками Духа, и, не достигнув совершенной любви, они падали».

Только «уязвленные любовью небесного Духа» и при этом до конца

дней своих пребывающие в крайнем смирении достигают Христа.

«Все почитаю тщетою ради превосходства познания Христа Иисуса, Господа моего: для Него я от всего отказался, и все почитаю за сор, чтобы приобрести Христа и найтись в Нем не со своею праведностью, которая от закона, но с тою, которая через веру во Христа, с праведностью от Бога по вере» (Флп.3:8–9).

Когда именно такое совершается делание подвига, – делание, ни во что себя не ставящее, делание смиренное, вот тогда-то и очищается сосуд совести и только тогда сохраняется и растет вера, вот только тогда и начинается совершаться это действительное таинство: святость становится верой и вера делается святой. Только тогда становятся понятными слова апостола: *«Верую очистив сердца» (Деян. 15:9)*. Как «верую?» Прочтя или зная Символ веры? Очевидно, что только святою верою или «таинством веры», обновляющей все существо.

Святая вера! Вот то сочетание, которого у нас нет, вот почему мы не угодны Богу, вот почему мы не угодники Его, не святые Его, а противники.

Разрыв между вероучением и подвигом очищения сердца есть, наверное, самое страшное бедствие христианства и подводный камень в плавании каждого отдельного лица.

Сочетать смиренный подвиг с верою, причем ни во что считать и это самое смирение, а только все *«протираться вперед» «ради познания Христа Иисуса Господа»*, ради веры в Него и получения через нее от Него милости, то есть благодати Святого Духа, – вот нами оставленный путь.

Оторвавшись от смиренной святости, вера пошла по пустыням духовных училищ, оформлялась в кирпичях богословских трудов, книг, которые никого ни в чем не убеждали, засыхала под солнцем обрядового благополучия. И вот пришел конец вере, конец христианского пути.

«Сын Человеческий, придя, найдет ли веру на земле?» (Лк. 18:8).

4

Я пишу неубедительно и примитивно. Задача явно не по моим силам. Но мне хочется передать хотя бы только свою тревогу, а задачу пусть решают другие.

*Те, кто достойней, Боже, Боже,
Да узрят Царствие Твое!*

5

Ощущение конца христианства как общественной силы тем сильнее, чем реже встречаешь «таинство веры в чистой совести».

Я вспоминаю один судебный факт, о котором было сообщение в конце прошлого, то есть XIX, столетия. Деревенская девочка возвращалась

из дома в школу после пасхальных каникул. Несла она с собой несколько копеек денег, корзиночку каких-то домашних пирожков и десяток яиц. По дороге с целью ограбления ее убили. Тут же убийца был пойман. Денег у него уже не нашли, пироги были съедены, но яйца остались. На случайный вопрос следователя, почему, собственно, он не съел и яйца, последовал ответ: «Как же я мог съесть! Ведь день был постный».

Это страшно не потому, что это судебный факт, а потому, что за спиной этого соблюдающего посты убийцы чувствуешь звенья длинной цепи, уходящей в века. Этот случай только вскрыл на минуту процесс гниения, который совершался в Русской Церкви в XIX веке. «*Знаю твои дела; ты носишь имя, будто жив, но ты мертв*» (Откр. 3:1) – это слова не к человеку, но к Церкви. Почему же в те времена, да и во все времена, члены Церкви, тем более духовенство, не решались признаться в этом, а того, кто решился, наверное, обвинили бы в неуважении к Церкви? Уважал ли Господь Церковь, когда говорил ей, что она мертвая, а не живая? Ведь мы ни в чем не отделяем себя от Церкви и всю силу обличения принимаем прежде всего на себя. Я и в этом виновнее всех.

Еще вспоминаю (ведь я пишу воспоминания, а не статью) хороший весенний вечер в Москве. Отец служит утрению в самом начале Страстной и после «Се, Жених...» читает Евангелие: «*Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что уподобляетесь гробам окрашенным, которые снаружи кажутся красивыми, внутри полны костей мертвых и всякой нечистоты*» (Мф. 23:27). И еще раз, и еще раз «горе»; это «горе» все нарастает в тишине церкви и весеннего вечера и, мне кажется, звучит на весь мир. Я очень люблю и знаю отца и слышу в его голосе слезы, и страх, и величайшую тревогу, и горечь, и страшную правду о том, что это он читает про себя, про нас, про Церковь. «*Дополняйте же меру отцов ваших*» (Мф. 23:32). «Горе» стихает, потому что уже все сказано. Но вот еще: «*Иерусалиме, Иерусалиме, избивый пророки... Се, оставляется вам дом ваш пуст*» (Мф. 23:37–38). Было страшно слушать, но как же было и хорошо! Что может быть лучше правды, что может быть радостнее того, когда удостоверяешься, по слову Достоевского, что «не умирает великая мысль», что Истину Божию «и врата адовы не одолеют»! (Мф. 16:18)

Я вспоминаю об этом, может быть, просто потому, чтобы найти опору в подлинно бывшей хорошей церковной действительности, чтобы опереться в своей шатающейся вере на веру самого дорогого мне человека. Такая горечь была в его голосе, такие слезы и такая любовь!

*Когда весны капель покажет,
Что начался Великий пост,*

*Ты на Божественную стражу
Шел, сердцем тих, душою прост.
И не сказать теперь словами,
Как жизнь с тобой была тепла,
Когда в четверг Страстной над нами
Свой счет вели колокола.*

Я помню эти удары колокола, как удары в сердце, по счету прочитанных Евангелий, огни свечей и слушающий народ.

Но кто же все-таки воспитал такое уважение к посту в этом мужичке XIX века? Кто же все-таки недосказал ему чего-то в своем рассказе о христианстве?

Христианство – пост? Да, несомненно. Христианство – милосердие? Да. Христианство – послушание и любовь к Церкви? Да. Христианство еще и многое другое. Но что же все-таки христианство в целом, можно ли, отойдя от частичных его определений, найти какое-то общее и всеобъемлющее? Вопрос имеет практическое значение, так как, очевидно, этому мужичку раскрыли только одну часть христианства, а все остальное утаили, оцедили комара и проглотили верблюда.

Тот, кто с поверхности Церкви, где столько соблазна и неправды, ушел в недра ее и живет Духом Божиим под спудом собственного подвига, тому не нужно искать определений, так как он их практически нашел и в них пребывает, радуясь. Но нам, может быть, нужно – как поиски железной двери в эту подспудную тишину чужого подвига.

Христианство есть учение, или благовествование, о Царстве Божиим. Тяжелее всего делать выписки, так как невольно вспоминаешь книги, сплошь составленные из выписок, которые никого не убедили. Настало время (да это и всегда было так), когда в христианстве можно убедить только личной верой в силу Божию. Всякое писательство о нем все больше теряет значение. А нам (мне) как раз все хочется только «о», а не «в». Быть в Церкви – это значит вступить на тесный и скорбный путь Христов, и как мало дерзающих на это! Сколь же легче сидеть «около церковных стен» на солнышке, слушать птичек и, покуривая, размышлять без особого труда об этой тесноте и скорбности. Такие мы, как бы верующие.

Но да благословит Господь идущих истинно тем, настоящим путем, да утешит их, да облегчит, да помилует их, а с ними и всех нас.

6

Вот начинается евангельская проповедь. *«И ходил Иисус по всей Галилее... проповедуя Евангелие Царствия и исцеляя всякую болезнь и всякую немощь в людях» (Мф. 4:23).*

То же начало проповеди в другом Евангелии: «Пришел Иисус в Галилею, проповедуя Евангелие Царствия Божия» (Мк. 1:14). Вот в третьем: «И другим городам благовествовать я должен Царствие Божие» (Лк. 4:43), «Он проходил по городам и селениям, проповедуя и благовествуя Царствие Божие» (Лк. 8:1), «И послал их проповедовать Царствие Божие» (Лк. 9:2), «Иди, благовестуй Царствие Божие» (Лк. 9:60). «И жил Павел целых два года на своем иждивении и принимал всех приходивших к нему, проповедуя Царствие Божие» (Деян. 28:30–31). «И проповедано будет сие Евангелие Царствия по всей вселенной, во свидетельство всем народам» (Мф. 24:14).

Это, конечно, не все, но достаточно. Причем я беру не те случаи, когда в том или ином контексте вообще употребляется выражение «Царствие Божие», – весь Новый Завет полон ими, – а только те, когда оно является прямым дополнением к глаголу «проповедовать» или «благовествовать», то есть тогда, когда оно указывает – что именно нужно проповедовать, определяет границы содержания проповеди, характеризует ее предмет. Как бы вместо того, чтобы сказать: «И проповедано будет христианство по всей вселенной», евангелист говорит: «И проповедано будет сие Евангелие Царствия по всей вселенной», «и ходил Иисус по всей Галилее... проповедуя Евангелие Царствия», «и жил Павел целых два года на своем иждивении... проповедуя Царствие Божие». Абсолютная ясность взаимной замены говорит о том, что это внутренние синонимы. Совокупность того вероучения, которое мы называем, начиная с Антиохии апостольских времен, христианством, слово Божие именуется учением о Царстве Божием. См. еще Деян. 28:23: «И он от утра до вечера излагал им (учение) о Царствии Божием», – а также Мф. 13:19: проповедь христианства есть «слово о Царствии». Не знаю, как другие, а я, проживши в христианстве десятки лет, ни разу до определенного момента не замечал этого словосочетания, не слышал смысла, лежащего в нем.

Почему же взято это словосочетание?

Когда подъезжаешь к большому городу, то знаешь, что далекие еще и молчаливые очертания домов и башен, труб и деревьев скрывают в себе многообразную и шумную жизнь. За буквенными очертаниями каждого слова и контекста слов Священного Писания «жизнь жительствоует».

Одной ссылкой на Ветхий Завет и его чаяния здесь ничего не объяснишь или объяснение будет только формальное. Да и незнаком современному верующему Ветхий Завет.

Конечно, потому так было определено христианство, что оно есть учение именно о Божием Царстве, а не о земном, о Царстве духовном,

неотмирном и небесном.

Иудеи отвергли Христа только потому, что Он вместо осуществления их мечты о земном царстве позвал к небесному. Все Евангелие и весь Новый Завет решительно отстраняются от решений каких бы то ни было проблем земного устройства человечества, устройства земного царства. Все в нем перенесено в созидание внутреннего духовного человека для входа в Царство Небесное. Для руководства в этом созидании и для возможности предощущения будущей полноты Жизни к ученикам Христовым после Его Вознесения сошел Святой Дух. Он ведет истинную Церковь Христову по долгому историческому пути. *«И Я умолю Отца, и даст вам другого Утешителя, да пребудет с вами вовек... (Он) научит вас всему и напомнит вам все, что Я говорил вам» (Ин. 14:16, 26)*. Царство Небесное приспустилось незримо на землю, чтобы уже сейчас начинать жить в сердцах ищущих благодати Святого Духа. *«Царствие Божие внутри вас» (Лк. 17:21)*. Царство Божие есть Царство Святого Духа. Апостол говорит: *«Царствие Божие не пища и питье, но праведность и мир и радость во Святом Духе» (Рим. 14:17)*. Значит одно и то же сказать: христианство есть учение о Царстве Божием, или учение о Царстве Святого Духа, еще и теперь, на земле, начинающем жить в своих рабах.

Вот что говорит авва Макарий Великий: «Как тело без души мертво и не может ничего делать, так без небесной души, без Духа Божия и душа мертва для царства и без Духа не может делать того, что Божие. Посему, кто старается уверовать и прийти к Господу, тому надлежит молиться, чтобы здесь еще принять ему Духа Божия, потому что Он есть жизнь души, и для того было пришествие Господа, чтобы здесь еще дать душе жизнь – Духа Святого... Если душа в сем еще веке не примет в себя святости Духа за многую веру и за молитвы и не сделается причастною Божеского естества... то она непригодна для Небесного Царствия». Будущая жизнь начинается здесь, но «здесь» начинается то, что непричастно «здешнему», «здесь» начинается обетование или залог будущей полноты духовности. Вот почему это «здесь» неотмирно. Потому Евангелие и приняло именно это определение, что оно раскрывает основную неотмирность и духовность нового вероучения. Тогда тем более понятны слова преподобного Серафима о том, что цель нашей жизни – стяжание Святого Духа Божия. Стяжание Его – это и есть стяжание Царства Божия, или Царства Небесного, или – иными словами – стяжание истинного христианского духоносного бытия.

Подданство Святому Духу – вот основной смысл данного Евангелием определения новому неотмирному учению. Это делается еще более ясным

при обращении внимания на первую часть формулы – на слово «царство».

Что такое «царство?» Один из видов «государства», а в древности, наверное, и единственный. Основное содержание, которое вкладывается нами в понятие «государство», – это представление о чем-то «отдельном», о какой-то географически, экономически и политически отдельной единице.

По целому комплексу представлений мы мыслим себе какое-нибудь государство чем-то не таким, как другие государства. Понятие отграниченности и какой-то самоценности, самодовлеемости, а также независимости неизбежно сопутствует нашему представлению о государстве.

Какое же государство (или «царство») без государственной границы, без каких-либо пограничных столбов, в виде ли «китайской стены» или современных знаков?

Но «государство» не только возводит границы, но и защищает их, оно «воинствует» в защиту своих границ. А защищает оно их потому, что утверждает себя как независимое и самоценное государство, то есть такое, которое порядок или образ своей жизни считает выше или лучше порядка жизни других государств. Оно вводит «подданство», то есть фиксацию принадлежности к себе, а не к другим государствам. Оно не разрешает произвольный переход границ и зорко блюдет себя именно как отграниченную единицу.

Давно уже были государства земные, но наконец люди узнали, что есть еще государство Божие. Оказалось только, что оно не в видимом, здешнем мире находится: *«Царство Мое не от этого мира» (Ин. 18:36)*. Но разница в местонахождении не изменяет понятия. Начался набор подданных в новое государство, к людям пришли благовестники с рассказом о нем, и *всю совокупность своего рассказа они стали называть учением о Царстве Божием, христианством*.

Вот Сам Господь зовет в новое государство Никодима и раскрывает ему условия перехода в его подданство. *Нужно второе рождение*. Какой ужас охватывает и нас, когда мы это читаем. «Как это может быть!» Ведь буквальность второго рождения нам так же ясна, как и Никодиму. *«Кто не родится от воды и Духа, не может войти в Царствие Божие. Рожденное... от Духа есть дух» (Ин. 3:5–6)*. И это второе рождение не где-то за пределами бытия или в безднах теософских «перевоплощений», а здесь, на земле, причем человек не перестает быть рыбаком или воином, делателем палаток или инженером. *«Я сказал вам о земном, и вы не верите» (Ин. 3:12)*.

Переход в новое государство требует не отрешения от благих дел земли, не отказа, например, от семьи или государственной деятельности, но только зарождения в себе нового, духовного человека, живущего одновременно по законам нового духовного подданства. Неизбежно создается двойная жизнь. Здесь все дело в том, что в словах о рождении нет никакой аллегии, что объявлением о новом государстве и в то же самое время утверждением его только единственно Царством Духа сразу и навсегда был установлен *водораздел между христианством и миром*. «*Пришел к своим, и свои Его не приняли*» (Ин. 1:11), – именно потому, что не на аллегию звал Господь, а на трудную и мучительную реальность духовного рождения. «*Жена, когда рождает, терпит скорбь, потому что пришел час ее*» (Ин. 16:21).

Второе рождение означает только то, что оно может означать: не «пост», и не «милосердие», и не «воздержание», и не «молитву», и не что-нибудь еще отдельно взятое, а начало совсем нового духовного человека, создание «новой твари». В отдельности, отдельно, все эти благие действия были или бывали в человеке и в Ветхом Завете: и пост, и милостыня, и вера, но не было еще нового человека, гражданина Нового Царства, чада Божия, совокупно носящего все благое. «*Вы... сограждане святым и свои Богу*» (Еф. 2:19).

Все ветхозаветное чаяние – к этому же. «*Он (Авраам) ожидал города, имеющего основание, которого художник и строитель Бог*»; «*Он приготовил им город*» (Евр. 11:10, 16). Но все дело в том, что город не здешний, и фарисеи потому-то и распяли Христа, что город оказался нездешним. «*Не имеем здесь постоянного града, но ищем будущего*» (Евр. 13:14).

Но где же ворота в это новое государство, где вход? «*Царствие Божие внутри вас*» (Лк. 17:21) – вход указан, и опять-таки через внутреннее возрождение. «*Когда внешний наш человек тлеет, внутренний со дня на день обновляется*» (2Кор. 4:16) – указан не только вход, но и признак, указывающий на действительность и закономерность вхождения: «тление внешнего человека», паспорт на переход границы. И наконец, названы признаки, долженствующие уверить нас, что мы в новом государстве: «*Царствие Божие не пища и питье, но праведность, и мир, и радость*» (Рим. 14:17). И наконец, последнее – способ достижения: «*Царство Небесное силою берется, и (только) употребляющие усилие восхищают (достигают) его*» (Мф. 11:12).

Круг описания завершен, остается или отвергнуть, или идти искать: «*Ищите Царствия Божия*». Как это может быть!? И каждый человек в

страхе и трепете. *«Вы приступили не к горе осязаемой... не к трубному звуку и гласу глаголов... но к горе Сиону и ко граду Бога живого, к небесному Иерусалиму и тьмам ангелов, к торжествующему собору и церкви первенцев, написанных на небесах, и к Судии всех Богу, и к духам праведников, достигших совершенства» (Евр. 12:18–23).* Вот оно приоткрывается, что такое это новое государство, вход в которое *внутри вас*. Это не осязаемая гора Моисея и не внешность, пусть самая великолепная, церковного богослужения, если она воспринимается только как внешность, а действительно Город, Царство, *«которого художник и строитель – Бог»*. *«Божиего никто не знает, кроме Духа Божия» (1Кор. 2:11).* Вот почему нам, душевным, а не духовным, так непонятно и страшно у входа. *«Душевный человек не принимает того, что от Духа Божия» (1Кор. 2:14).*

Весь Новый Завет – об этом переходе из душевности в духовность, о переходе в Новое Царство Духа. Вот почему христианство и есть учение о Царстве Божиим, вот почему проповедовать христианство – это значит звать к созданию всего нового, духовного человека, а не к прививанию на нем некоторых отдельных благочестивых навыков или чувств. К чему обычно сводятся проповеди? Чаще всего к тому, что *«нарушают субботу»* – не постятся, не почитают икон, не почитают родителей, не ходят в храм. Это все верно, но это не есть еще проповедь христианства, а только проповедь отдельных благочестивых действий, могущих быть и в других религиях. Новый Завет в душе каждого отдельного человека рождается так же, как он родился на Пятидесятницу у учеников Христовых, – сошествием Царя Небесного Царства. Только с попыткой перейти в это духовное Царство, то есть с рождением духовности, начинается в человеке христианство. Первоначальный и вечно сопутствующий признак христианства, как бы его государственное знамя – это то, что оно Царство, и при этом неотмирное, то есть духовное. *«Да, я Царь, – сказал Господь Пилату, – но Царство Мое не от этого мира» (Ин. 18:36).* В евангельском определении христианства, как ядро в скорлупе, лежит признак сути христианства: его неотмирность, то есть *подданство Святому Духу*.

Отсюда с неумолимой неизбежностью вытекает и страшный обратный вывод: всякая потеря духовности и всякое обмирщение есть основная, центральная измена христианству, вышелушивание сердцевины с оставлением никому не нужной скорлупы. Раскрытие каждым человеком для себя евангельской формулы подводит его к пограничным воротам Царства Святого Духа, куда нельзя просунуть только руку или ногу, а можно войти только целиком, отказавшись от духовного подданства миру.

Законы государства обязывают. От мира, то есть от всякого зла мира, должен отречься не только монах, но и каждый христианин – в этом все дело. *«Будьте совершенны, как совершенен Отец ваш Небесный» (Мф. 5:48)* – эта заповедь Божия обращена не к монахам, а ко всем ученикам Христовым. В разряде совершенных есть множество степеней, иная слава солнца и иная – звезд, есть или были совершенные, которые от безмерной любви своей к Богу все оставляли и шли по пустыням мира в поисках Его, но и на самого «маленького» из «совершенных» распространяется в меру его сил общий закон искания духовности, отречения от мира, стяжания Бога в своем сердце, служения одному Господу, а не двум господам. *«До ревности любит Дух, живущий в нас» (Иак. 4:5)*. Опять спрошу: о ком это сказано? О монахах ли? Нет, о всех учениках Христовых. Каждый христианин есть *инок* – гражданин *иного* мира. Если человек не ищет духовности, не приобщается Царствию Божию, он еще не христианин, какую бы этикетку он ни носил – монаха или мирянина. Внешнее христианство не есть христианство. Оно есть обмирщение, то есть самая опасная измена христианству, зачеркивание слов Господа, что *«Царство Его не от этого мира»*. И человек, и отдельная историческая Церковь изменяют христианству, если успокаиваются на внешнем, если не стучат в двери духовного Царства.

В последней молитве на прощальной беседе Господь говорил: *«Не молю, чтобы Ты взял их от мира, но чтобы сохранил их от зла»*. Но тут же Он прибавил: *«Они (ученики) не от мира, как и Я не от мира» (Ин. 17:15–16)*. Значит, надо как-то суметь быть не-от-мирным и в то же время быть в мире.

В этом законе неизбежного сосуществования, в этой двойной жизни, если не сказать раздвоенности, и заключается вся мучительность практики христианской жизни, – мучительность страшная и иногда как будто непосильная. Но так хочет Господь для испытания христианского сердца. *«До ревности любит Дух, живущий в нас, но тем большую дает благодать» (Иак. 4:5–6)*. Человеку, выдержавшему великую скорбь раздвоения, не изменившему Учителю, дается радость надежды, что, может быть, и он будет принят в ученики Христовы. У его веры все шире раскрываются крылья, и она становится все более «уверенной», потому что все более осуществляет ожидаемое Царство Божие. Формула Евангелия, раскрывая суть христианства, срывает все иллюзии о возможности пребывания только во внешности церковного благополучия.

«Ты говоришь: «Я богат, разбогател и ни в чем не имею нужды», а не знаешь, что ты несчастен, и жалок, и нищ, и слеп, и наг» (Откр. 3:17). Так

было сказано Церкви, у которой не было «таинства веры в чистой совести».

7

«Как вы можете верить, когда друг от друга принимаете славу?» (Ин. 5:44). Грех есть основное препятствие к получению или к возрастанию веры и тем самым главная причина неверия. В беседе с Никодимом Иисус путь веры называет путем к свету. *«Но люди более возлюбили тьму, нежели свет, потому что дела их были злы»* (Ин. 3:19).

Как-то неловко употреблять слово «грех», так же как и слово «добродетель», в разговоре с самим собой как маловерующим человеком. Все мерещатся какие-то скучные английские романы середины XIX века, где добродетель в смешной соломенной шляпке в конце концов побеждает грех, задрапированный в красивый маскарадный костюм. Ни один каталог не смог бы перечислить литературу, в которой так или иначе осмеивается добродетель, или литературу, в которой она выглядит смешной.

А вот как говорит о том, что такое добродетель, один из тех, кто действительно вкусил ее райских плодов. «Добродетель есть вещь некая горяча и зело прилична возжещи пламень любви Божия и сотворити душу всю огненну» (Преп. Никита Стифат. Житие преподобного Симеона Нового Богослова).

«Бог наш есть огонь поядающий» (Евр. 12:29), – говорит апостол. Стремление к добродетели есть стремление к огневидности, к богоподобию. *«Духом пламенейте; Господу служите», «Да будут... светильники (ваши) горящи», «Огонь пришел Я низвести на землю, и как желал бы, чтобы он уже возгорелся!»* (Рим. 12:11; Лк. 12:35, 49).

Когда отцу Амвросию Оптинскому одна дама однажды сказала, что бесы Евангелия – это аллегория, он, улыбнувшись, ответил: «Если бесы, которые вошли в свиней, – аллегория, то такая же аллегория и свиньи».

Огонь духовности настолько реален, что иногда по произволению Божию он выходит наружу, в физический мир, и явно виден бывает. Чудо Пятидесятницы в малом объеме бесконечно повторялось в истории христианства.

Мы не знаем, что такое добродетель, и нам чуждо понятие греха. «Покрыла есть небеса добродетель Твоя, Христе», – поется в одной церковной песне, и до нас это также не доходит, как слова другой песни: «Вскую мя отринул еси от лица Твоего, Свете Незаходимый, и покрыла мя есть чуждая тьма, окаяннаго». «Тьма», то есть грех, перестала быть «чуждой» и поэтому не ощущается – в этом весь ужас. Мы потеряли чувство греха. Добродетель есть плод доброделания, плод работы

Господней, работы рабов, не ожидающих никакой за это награды и только как незаслуженную милость слушающих слова своего владыки: «Добре, рабе благий и верный, о мале был еси верен, над многими тя поставлю; вниди в радость Господа твоего» (Мф. 25:21, 23).

Вся церковная вечерняя служба, не только в своем словесном, но и в музыкальном составе, пронизана ощущением этих двух категорий – огнеобразного доброделания и холодной тьмы греха.

Утверждение реальности греха только и позволяет подойти к утверждению реальности огненного преображения человека.

Есть в одной молитве Ефрема Сирина такие слова: «Истоци в сердце мое единую каплю благодати Твоей, да возгорится в сердце моем пламень любви Твоей, как огонь в лесу».

8

В Церковь начинаешь верить и ею начинаешь жить, только почувствовав ее дыхание, – никакие статьи здесь не помогут.

*Будет время, и я замолчу,
И стихи мои будут ненужны.
Я зажгу золотую свечу,
Начиная полночную службу.
Будет ночь, как всегда, велика.
Будет сердце по-прежнему биться.
Только тверже откроет рука
За страницей другую страницу.
И, начавши последний канон,
Я открою окно над полями,
Чтоб услышать, как где-то над нами
Начинается утренний звон.*

Так бывает со всяким, если сердце искренне ищет Бога. Человек замолкает, чтобы лучше слышать голос «Начальника тишины», человек собирается, чтобы как-нибудь не рассыпать, не уронить подаваемое сокровище Небесного Царства, человек плачет слезами величайшей горечи за все то, чем он оскорбил своего Учителя.

Вера, разгораясь, зажигает в нем пожар любви к Богу. «Возлюби Господа Бога Твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим, и всею крепостию твоею» (Мф. 12:30; Лк. 10:27). Послушайте это нарастание определений! «Всею крепостию твоею!» Верующий не просто «любит» Бога, он «влюблен» в Него. Весь состав его: и сердце, и ум, и воля – трепещут на пороге величайшей человеческой радости – возвращения в Дом Отчий, в Царство Божие.

9

«Бог – конец пустыне!» – говорит человек. И пустыня пути расцветает для него лугом зеленым – Церковью.

Секрет того, что иногда люди верующие как бы принимают Бога, но не принимают Церкви, в том, что в них нет, по существу, еще и веры в Бога. Они тоже в категории «как бы верующих», и на самом левом фланге. Церковь есть собрание учеников Христовых. Как же я, возлюбив своего Учителя, не возлюблю Его учеников, как же рука моя в холодной и беспросветной ночи земного странствия не будет искать для опоры их теплой руки? Это явная логическая бессмыслица, только доказующая, что веры в Господа и любви к Нему, как Живому Учителю и Другу, в человеке еще нет. Церковь в ее святом, то есть в ее *единственном*, единственно реальном смысле, есть вселенская дружба учеников, рождаемая совершенно неизбежно, если можно так сказать, «механически» из стремления всех периферийных линий – людей – к центру круга, к Богу. Чем ближе линии сходятся к центру, тем они теснее, чем ближе люди к Богу, тем сильнее их дружба. Это все давно раскрыто в словах аввы Дорофея.

Церковь есть неизбежность Божественной дружбы учеников Христовых. «*Вы други Мои*» (Ин. 15:14), – сказал Господь при основании Церкви в последнюю ночь. Ночью была создана Церковь, долгая ночь – весь ее исторический путь до второго прихода Господня, и кто же среди ночи в трудной дороге не ищет спутников? Только гордое сердце, еще не имеющее Бога.

Поверившему действительно в Бога, то есть уже реально полюбившему Его, пустыня пути расцветает Церковью. Нет большей радости для человека в пустыне увидеть, что он не один, что кругом по тропинкам, как после 12 Евангелий в Великий четверг, идут огоньки людей. Вот где радость и вечно весенний воздух Вечности – Церковь учеников Христовых! Но если Церковь рождается из действительно родившейся веры в Бога, то какая же ошибка – проповедовать установления церковные там, где еще нет настоящей веры в Бога! «*Духом пламенейте*», потому что «*Бог наш есть огонь поядающий*» – вот прямая и безусловная заповедь слова Божия, и с нее надо начинать раскрытие сути христианства, начинать проповедь, а не с того, что существуют четыре поста и в какое время они бывают. Отступление наше, то есть всех тех, кто «как бы верует», от веры зашло так далеко, что никакими благочестиво-умеренными разговорами о нарушении церковных уставов ничего не достигнешь. Это холостой выстрел. Уставы есть стены, которые

огораживают действительно имеющееся сокровище. Но великая ложь – огораживать пустое место.

«Вера – от слышания, а слышание – от слова Божия» (Рим. 10:17). Зачинание веры – от слова Божия. Страшно сказать, но мы боимся прямой и понятной апостольской проповеди. Во время чтения Апостола по-славянски почти никто из современных молящихся в Церкви ничего не понимает, и получаются какие-то благочестивые антракты непонимания. Нам все мерещатся сектанты, с которыми нас могут смешать и скомпрометировать нашу «православность». Недаром один человек когда-то сказал мне, что термин «православие» ему более дорог, чем термин «христианство». Бедная Антиохия «Деяний»!

Никакие сектанты нам не страшны, ибо «кто отлучит нас от любви Божией» (Рим. 8:35), если вся наша радость и все устремление – в созидании Тела Божия – Церкви. Не зная слова Божия, как может человек преодолеть соблазны, отовсюду находящиеся на него в церкви? Где Церковь святая и где просто люди, почему-то считающие себя церковью? Где Божие и где человеческое? Не зная слова Божия, не зная, что Царство Божие – Церковь имеет двойной аспект, что в ее земном, историческом пути сосуществуют добро и зло и что это сосуществование предусмотрено Богом впрямь до Страшного суда, как пшеницы с плевелами на поле или рыб в неводе, хороших и худых, в евангельских притчах о Царстве Божиим, – мы соблазняемся не только от вопиющих беззаконий отдельных представителей Церкви, но и от какой-нибудь грубости или невежества церковного старосты. Сколько людей уходило в сектантство только потому, что «поп – пьяница». Кроме того, еще не имея настоящей веры и из-за этого еще не ощутив вполне свою собственную греховность и зло, мы не в состоянии осознать самих себя ниже и старосты, и прочих соблазнительцев церкви. Врата адавы борют Церковь не только извне, но внутри ее, через каждого из нас, через каждый грех и зло каждого человека, благодушно предполагающего, что он живет в ней. Церковь действительно святая и непорочна, но эта святость невидима и непостижима. Видимо же в церкви прежде всего пятно зла на золотой ризе. Это и есть самое трудное для искреннего, но не умудренного словом Божиим сердца.

Бывают случаи большие, бывают и маленькие, как будто смешные, но тоже трагические. Один хороший священник мне рассказывал, как его дочь стала неверующей. Она, конечно, уже давно колебалась, но еще только колебалась. Однажды она вошла в храм, когда все стояли на коленях, кажется во время Херувимской, и наступила на ногу старушке,

которая обратила к ней, как ей показалось (да и наверное так), такое злобное лицо, что она воскликнула внутри себя: «Ах, здесь – такие! Значит, Бога нет!» И вышла навсегда из церкви. *Врата ада* одолели бедную девушку, а прежде ее они, наверное, одолели старушку.

Говоря совсем точно, второй, темной и соблазняющей, церкви как Церкви, по существу, и нет. Есть одна святая Церковь, создаваемая святостью живущих на земле святых, хотя бы их было два или три человека. «Где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них» (Мф. 18:20). Всякое наше святое действие и святое воздыхание создают святую Церковь. Всякое наше зло выкидывает нас с корабля Церкви, причем при этом мы часто увлекаем за собой и других. Об этом и слова Тихона Задонского: «Все грешники вне Церкви святой находятся, хотя и в храм ходят, и молятся, и Таин причащаются». Следовательно, я могу стоять на молитве в храме, но в своем озлоблении на озлобленную на меня старушку и я, и она будем в этом своем состоянии вне стен единой, святой и апостольской Церкви.

Есть церковь с маленькой буквы рядом или внутри Церкви с большой. Это неизбежная форма исторического пути Церкви и какое-то промыслительное определение Божие. Очень хорошо сказано об этом в Откровении во 2-й и 3-й главах, а также в 11-й: «И дана мне трость, подобная жезлу, и сказано: встань и измерь храм Божий и жертвенник и поклоняющихся в нем. А внешний двор храма исключи и не измеряй его, ибо он дан язычникам: они будут попираť свяťый город сорок два месяца» (Откр. 11:1–2).

Внешний двор храма – это и есть «вторая», не святая, иногда очень темная и страшная церковь, – церковь тех, кто, по слову святителя Тихона Задонского, «хуже идолопоклонников», церковь соблазняющая и отводящая от истинной Церкви, окружающая (или вкрапленная, как плевелы в пшенице на поле) святую и вечную Церковь Невидимого града. Вот в эту святую и единственную Церковь мы и должны верить, только в нее и верить, и верить так же, как в Бога, ибо можно сказать: незрима ее святость, но так же реальна, как святость Божия.

За все время существования Церкви не было, кажется, найдено ни одного достаточно правильного определения ее, сверх тех трех, которые мы получили от апостолов: Церковь есть «Тело Божие», «полнота Наполняющего все во всем» и «столп и утверждение истины» (1Кор. 12:27; Еф. 1:23; 1Тим. 3:15). Очевидно, не нужно было больше и искать. Но эти определения утверждают одно: Церковь, как святая, так же непостижима, как и Бог, Творец ее. И действительно, если еще можно

представить себе некое, хоть и отдаленное постижение святости Источника святости, то как постичь ее – эту святость – в твари? Ведь «всяк человек – ложь» (Пс. 115:2), и нет «непорочного зачатия».

Осознание этого имеет самое простое практическое значение. Чем больше чувствуешь непостижимость святости Церкви, то есть чем большеходишь в нее верой («верою и любовью приступим»), тем меньше соблазняешься от видимого зла и неправды внутри исторических церковных стен.

Этому учит одно изображение, которое мы всегда видим в храме. Посмотрите на «Тайную вечерю», которая всегда над царскими воротами: среди апостолов – Иуда. Так как начало Церкви совершилось на этой вечере при нем, то не для того ли Церковь водрузила над своими царскими воротами это изображение, чтобы всегда напоминать нам о «двойном аспекте» Церкви, о том, что «врата адовы» и внутри ее, но что, и будучи внутри ее, они ее все-таки не одолеют.

Века проходят, и ежедневно выносятся Чаша, а сверху всегда то же напоминание. Если Тайная вечеря, несмотря на присутствие Иуды, осталась для человечества началом Церкви, началом весны человечества, то что может быть большего у нас?! Все то же самое в меньшем размере.

«Не бойся, малое стадо! ибо Отец ваш благоволил дать вам Царство» (Лк. 12:32).

10

Радостно войдя в Церковь, уверовав в нее, как в святое и непорочное тело Божие, каждый ставит перед собой задачу – как сохранить такую жизнь и такую веру, как сохранить себя не оскверненным от мира. Состояния радостной уверенности, просветленности – редки и мгновенны по нашей греховности. Вслед за этими просветами лазурного неба опять вся душа заволакивается тучами непонимания, пустоты, скуки, скорби, соблазнов и раздражения. Неверие обступает душу кругом, как волна на утес приливает сомнение, заливают камень веры. Это так реально, так действительно и так страшно, что, собственно, человек должен был бы непрестанно мысленно стоять на этом камне с воздетыми к Богу руками, простирая всего себя в подобии креста, с воплем к Богу о помощи. Понятно, почему так настойчиво слово Божие требует от человека постоянной молитвы. *«Непрестанно молитесь»* – это заповедь для каждого (1Сол. 5:17).

Заканчивая одно из своих посланий, апостол Павел пишет: *«Итак мы, приемля царство непоколебимое, будем хранить благодать, которою будем служить благоугодно Богу, с благоговением и страхом, потому что*

Бог наш есть огонь поядующий» (Евр. 12:28–29). Но как «хранить», как сохранить себя в Боге? Да, конечно, прежде всего молитвой сердца, через которую привлекается помощь Божия. Но как приучить себя к молитве, когда в сердце сухо и горько, когда в уме пустота или грех?

Есть одно определение Божие или одно Его предупреждение нам, которое мы, современные маловерующие, больше всего забываем, а вспоминая, с особенным неудовольствием отбрасываем: *«Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают его» (Мф. 11:12)*. Вот где лежит путь к сохранению себя в Боге. Это и есть узкий путь, ведущий в жизнь вечную: *«Тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их» (Мф. 7:14)*. Для нас это невыносимей всего. Века благополучия во внешнем христианстве приучили нас как раз к тому, чтобы не делать над собой никаких усилий, то есть не искать узкого пути. Отстоять часа два великолепное, многокрасочное богослужение, а потом ехать домой, чтобы есть пироги со всеми начинками, – для этого не требовалось большого усилия. Через это благополучие входило в открытую дверь неверие, а когда оно начнет давать тон мышлению, то против понуждения себя, против *узкого пути* возникает особая, подчеркнутая, принципиальная вражда. *«Когда у меня будет настроение, я буду молиться»* – вот обычная формула широкого пути. Очевидно, что *«я буду искать Царства Божия тогда, когда у меня будет настроение»*. *«Как это «силой брать» Царство Божие? Всякое насилие противно религии»*. И чего только еще не скажет душа, не желающая принять всерьез христианства, не хотящая сделать его своей реальностью?! Разве переход в другое государство, принятие иного подданства достигается без усилий? В этом все и дело, что принятием христианской веры человек должен начать совершенно реальный переход в иное государство, и *этот переход – узкий*.

«Подвизайтесь войти сквозь тесные врата, ибо, сказываю вам, многие поищут войти и не возмогут» (Лк. 13:24). Не сумеют, не смогут перейти, так как будут отрицать необходимость усилия над собой, будут отрицать необходимость подвига.

«Весьма многие из людей, – говорит Макарий Великий, – хотят сподобиться Царствия без трудов, без подвигов, без пролития пота; но сие невозможно».

«Дух Святой, – говорит Антоний Великий, – вселяется в душах кающихся не иначе, как после многих трудов». Отец Амвросий Оптинский говорил, что стояние наше на молитве, когда сердце нелicenseмерно, но сухо и каменно, более угодно Богу, чем тогда, когда оно в огне умиления. И действительно, что трудного молиться, когда благодать Божия спустилась

и оросила пустыню? Господу угодно другое – видеть наш труд, наш подвиг, хоть и ничтожнейший, наше терпеливое ожидание Его в душевной пустыне.

Как в молитве, так и во всем должны быть подвиг или усилие. Разве для того, чтобы победить свой гнев, требуется мало усилия? Уж не говоря о невысказанной буре гнева в сердце, даже рот свой из простого приличия как трудно удержать закрытым, чтобы не высказать слов раздражения. Авва Иоанн Лествичник так рассказывает об этой, быть может многолетней, лестнице усилий, побеждающих гнев: «Начало безгневия – молчание уст при возмущении сердца (сердце еще бушует). Средина – молчание помыслов при тонком смущении души (затихают волны). Конец – незыблемая тишина при дыхании ветров нечистых (все отошло, но пребывает где-то рядом)».

А какое большое усилие мы должны употребить, чтобы воспитать в себе серьезность, какую-то хоть малую сосредоточенность, уклонение от рассеяния себя разговорами или книгами?

О «подвиге», или «усилии», не только понять слушающему, особенно молодому, но и писать труднее всего. Слова, не исполняемые делами, теряют свою силу не только для слушающего, но и для говорящего.

Вот я как бы держу эти слова – «усилие», «подвиг» – или иные драгоценнейшие слова, как на ладони древние золотые монеты, но ведь я сам не слышу, а только догадываюсь о их золотом звоне. Снаружи они покрыты грязным и скользким наростом столетий человеческого лицемерия и лжи. Поэтому-то для меня блаженнее всего говорить не от себя, а «искать следы отцов», отыскивать в забытых книгах золото слов.

Вот откроем самую старую и самую забытую книгу – книгу Бытия – и прочтем в ней с благоговением и страхом рассказ о том, как человек боролся с Богом. Не прольет ли образ святейшей борьбы свет на эти трудные для нас понятия усилия и подвига, как лучи, внезапно хлынувшие из-за туч?

«И борящийся с ним Человек даже до утра... И рече ему: пусти Мя: взыде бо заря. Он же рече: не пуцу Тебе, аще не благословиши мене. Рече же ему: что ти имя есть? Он же рече: Иаков. И рече ему: не прозовется ктому имя твое Иаков, но Израиль будет имя твое: понеже укрепился еси с Богом и с человеки силен будеши... И благослови его тамо» (Быт.32:24–29).

Подвигоположник Иисус Христос заповедал нам подвиг борьбы за свое просветление. Творцу мира угодно принимать в Свои чада, в «сонм богов» («Я сказал: вы боги» – Ин. 10:34) только воинов, достигших конца,

только тех, чья воинствующая воля показывает неукротимость желания быть с Богом. Борьба эта есть выражение неуклонного определения свободной воли человека, и вот именно эту свободную волю, возжелавшую Божественной вечности, и ищет Господь. Он хочет не насильно или механически сделать нас богами, как мастер делает куклы, а чтобы мы сами, борясь, достигали Царства Божия.

Борьба человека за свое божественное звание есть, конечно, борьба с его собственным злом. Меня могут поэтому спросить: причем же здесь образ Иакова? И я не сумею точно ответить. Может, потому, что Господь есть постоянный свидетель и судия этой постоянной «невидимой брани», может быть, потому, что весь, так сказать, метод этой борьбы для человека сводится в конце концов к тому, чтобы не отпускать от себя Господа, держать Его, цепляться за край ризы Его, не давать Ему уйти, чтобы Он помог, чтобы Он не покинул: *«Не пущу Тебе, аще не благословиши мене»*.

Вспомним еще притчу о «судии неправедном». *«Эта вдова не дает мне покоя, защищу ее, чтобы она не приходила больше докучать мне»* (Лк.18:5).

Много ли мы «докучаем» Господу неотступностью и детским дерзновением молитвы?

У одного немецкого поэта есть стихи на библейский текст об Иакове. Вот они, переведенные прозой:

*Ты сам, один на один, ночь за ночью,
должен бороться со своим Богом.
Когда же Его первый солнечный луч пронизет темноту твоей души,
не отпускай Его,
о, только не отпускай Его,
пока Он тебя не благословит.*

Переход в Царство Божие может быть только узким, то есть через усилие, и вот принятием этой «тесноты» подвига мы и начинаем свое сохранение, хранение той благодати, которую дает нам вера. Я помню серый зимний день. Я иду с одной московской знакомой, женщиной ученой, но в то же время церковной, через святые ворота в Лавре. Монастырские ворота всегда почему-то особенно действуют на человека – наверное, в них начинается «касание миров иных», как говорил Достоевский, – переход! Среди других изображений и надписей помню славянский шрифт: *«Внидите узкими враты»* (Мф.7:13). Вечером того же дня моя знакомая мне говорит: «А знаете, я только сегодня впервые почувствовала про эти «узкие враты», впервые поняла». Так и мы: иной раз только к концу жизни поймет человек, догадается, где этот переход к

Богу, где условие хранения веры. Надпись была в монастыре, которым мы пренебрегали, слова были из Евангелия, исполнение заповедей которого мы тоже предоставляли монахам.

Вот почему так важно не бояться сознания, что каждый христианин, а не только монах, есть инок – человек иного государства – Царства, которое не от этого мира.

Если бы мы не делили верующих на монахов и не-монахов, если бы мы были под единым вечно голубым небом первохристианства, когда этого деления не было, то, помимо непосредственного руководства от слов апостольских Нового Завета, какую великую помощь могли бы мы получить от руководственных наставлений вот этих самых монахов, которых мы от себя отделяем. Вступая на узкий путь, человек вступает в «невидимую брань», он, как воин, должен вооружиться указаниями мудрых людей Божиих, уже достигших конца пути. У нас есть крепчайшее оружие для «брани» – их духоносные слова.

Вот сейчас, в эту минуту, когда меня внезапно охватил порыв отчаяния при мысли о том, что я ничего сам не исполняю и при этом учу, я, наверное, чтобы не изнемочь в отчаянии, нашел вдруг такое место у аввы Исаии: «Нам предлежат два пути: путь жизни и путь смерти. Идущий по одному не идет по другому. Кто же идет то по тому, то по другому, тот не принадлежит окончательно ни к одному из двух путей, ни к ведущему в Царство, ни к ведущему в муку. Когда же он скончается, то суд над ним принадлежит единому Богу, Которого милость неизреченна».

Господи! Помилуй всех нас!

11

Вот я и кончаю свои записи. Что-то многое я хотел сказать и, конечно, сказал мало. Я не сумел сказать про самое главное: про любовь, которая всю непосильность христианского пути делает легкой, которая все непонятное делает ясным, которая *«все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит»* (1Кор. 13:17).

Мы часто, путаясь в трудных и новых для нас понятиях христианства, не догадываемся об этом ключе, открывающем дверь.

В притче «о богатстве неправедном» Господь укорил нас за то, что мы такие несообразительные. *«И похвалил господин управителя неверного, что догадливо поступил, ибо сыны века сего догадливее сынов света в своем роде. И Я говорю вам: приобретайте себе друзей богатством неправедным, чтобы они, когда обнищаете, приняли вас в вечные обители»* (Лк. 16:8–9).

Недавно один человек говорил: «Эта сообразительность имеет

оправдание: проводит даром сквозь тесные врата».

Да! Любовь проводит даром сквозь тесные врата. Вот почему, в частности, истинным христианином чаще делается человек неученый. Через любовь, минуя путаницу ума, он прямо идет к познанию Божию.

Христианство под *юродством проповеди* (потому что «*немудрое Божие премудрее человеков*» – 1Кор.1:18, 25), открывает неизреченные горизонты познания, все бытие человека: и телесное и духовное, вся вселенную, «и гад морских подводный ход, и дольней лозы прозябанье», – все открывается оку ума, просветленного Господом. Всю цель жизни апостол Павел видит в «*познании Христа Иисуса, Господа Моего*» (Флп.3:8). Все дело в том, что это познание, или мудрость, – «не века сего», все дело в том, что оно рождается от любви, что оно живет только в уме, согретом Богом.

Послушаем еще, как пишут о любви и познании святые отцы.

«Любовь Твоя невыносимыми, сверхъестественными жалами уязвляет тех, кто некоторым образом видит Тебя... Ты... опаляешь язвою любви ум, подобающим образом пребывающий в Тебе, просвещая его все более и более и действительно вводя его в... недоступные, тайные пренебесные зрелища. О, Единице Препетая и Троице Пречестная! Бездонная глубина силы и премудрости!»

«Когда ум, прошедши через все здешнее... радостно молчит, тогда именно время наслаждаться премирным и невыразимым, время осияния и мысленного света, единения ума и созерцания простоты, безграничности... пресветлого познания... время восприятия и усвоения духовной мудрости».

«Когда человек... совершает течение в добродетелях... со смиренными мыслями, в терпении и надежде, основанной на вере, и животворящая и приснотекущая сила и действие Святого Духа водворятся в сердце... тогда, именно тогда ум... вспомоществуемый вдохновением благодати, переходит к созерцанию, невыразимо прекративши (конечно, действием и светом животворящего и Святого Духа) здешнюю рассеянность и блуждание, и доходит до откровения божественных духовных таин и всевозможным молчанием и спокойным собственным естественным взором достигает вступления в сверхъестественные невыразимые таинства».

Это созерцание ума, добавляет тот же Каллист Катафигиот, «требуется трех... условий: веры, причастия Духа и мудрости знания во Христе Иисусе, Господе нашем».

Я сделал эти выписки, конечно, не для дерзкого подражания, а только

для того, чтобы хоть немного приоткрыть для незнающих эту сторону христианства. Тот, кто будет искать дальше, найдет больше. Он поймет тогда слова апостола: «Мы имеем ум Христов» (1Кор. 2:16).

Нам, начинающим, надо прежде всего искать деятельной любви, которая в тоже время «есть совокупность совершенства». Пусть «язва любви» хоть отчасти *опалит* и наш скудеющий в холоде ум, чтобы нам даром «пройти сквозь тесные врата». Только «вера, действующая любовью» (Гал. 5:6) есть истинная вера. Кажется, только об этом я и хотел написать.

«Верующий, – говорит блаженный Диадок, – а не пребывающий в любви и самой той веры, которую *кажется* имеющим, не имеет». Он только «медь звенящая», он только «как бы верующий», какими бы богословскими делами он ни занимался.

Светлую заутреню 1956 года я встретил в Москве у стен храма Новодевичьего монастыря. Народу было так много, что войти внутрь было нельзя, и я стоял в толпе снаружи около открытого окна. Видно, моя грешная судьба – все стоять только «около церковных стен», из ночи греха видеть горящий огнями храм, только издали слышать Божественные песни. Но слава Богу за всякую Его милость.

Ночь была тихая, и еще тише стали и ночь, и толпа, когда в эти минуты 1956 года вдруг ударил колокол и начал выходить крестный ход.

Как же любит христианское сердце эту землю, согретую стопами Ее Творца и Господа, как благоговейно оно слышит эту землю, согретую дыханием Христовым, кровавым потом мучений Его! «Воскресение Твое, Христе Спасе, ангели поют на небесех, и нас на земли сподоби чистым сердцем Тебе славить». Чистым, простым сердцем и на этой многогрешной земле.

Прощение! Великое прощение снова, еще раз дается этой толпе, этому городу и всему миру.

«О, Пасха велия и священнейшая, Христе!»

25 августа 1955 г., канун Тихона Задонского, – Пасха 1956 г.

Содержание

Фудель Сергей Иосифович Моим детям и друзьям	1
Сергей Иосифович Фудель	
Аннотация	2